КУДРЯШЕВ А. Ф., *доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории науки*

ЕЛХОВА О. И., *доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии и истории науки*
Башкирский государственный университет (Уфа, Россия)

О КОНФЛИКТЕ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

Существующий в конфликтологии относительно широкий спектр значений понятия «конфликт», тем не менее, подразумевает вполне конкретный ряд общественных явлений. Слово «конфликт» употребляют в ней для обозначения социального столкновения, борьбы, взаимодействия и т.п., производимых их участниками и субъектами – отдельными индивидами или группами индивидов – с различными целями. Целями конфликтов могут быть: завоевание или удержание власти, перераспределение доходов, изменение социального статуса или системы ценностей и т.д. При рассмотрении конфликтов социологи отмечают их функциональное разнообразие, что нередко фиксируется уже в самой формулировке определения «конфликта».

Хорошо известно, что это понятие используется не только в конфликтологии как учении о социальном конфликте. В более общем смысле оно употребляется в диалектике. В рамках диалектического учения конфликтом традиционно называется определенная стадия в развитии противоречий. Поэтому он не мог не привлечь к себе особого внимания диалектиков, среди которых немало тех, кто полагают, что объективно развивающееся противоречие – раньше или позже, но все равно неминуемо – достигнет разрешающего его конфликта. В соответствии с содержанием известного диалектического закона, являющегося одним из трех основных законов диалектики, различия, развившиеся до противоположностей, затем обязательно переходят в стадию конфликта, т.е. их непосредственного взаимодействия, прямого столкновения полярных сил. Именно так, и никак иначе, и происходит процесс, именуемый развитием. Таким образом, для сторонников традиционно понимаемой объективной диалектики разрешение

© Кудряшев А. Ф.,
Елхова Е. И., 2013

вызревших противоречий принимает закономерный характер и происходит лишь посредством конфликтов.

В то же время нельзя не заметить изменений в понимании сути социального конфликта, произошедших в течение XX века и имеющих свое продолжение теперь уже в XXI веке. Вообще говоря, конфликт перестал рассматриваться только как обязательный, объективно необходимый фазис в развитии противоречия. В тех случаях, когда субъекты конфликта в состоянии оказывать осознанное влияние и, действительно, именно таким образом влияют на его ход, возникает его управление. Управление социальными конфликтами может осуществляться не везде и не всегда, т.е. не при любых обстоятельствах и не на всяком его этапе. Предотвращение, предупреждение, нейтрализация конфликтов, − сами по себе проблемы не только технические, когда пытаются ответить на вопрос: «Как предотвращать (предупреждать, нейтрализовывать) конфликты?», но и онтологические, когда отвечают на другой вопрос: «Как это возможно?». Существуют различия между типами конфликтов, основанные на том, что степени управляемости ими могут различаться. Такие различия, в свою очередь, коренятся в существенной неодносложности строения и протекания конфликтов и проявляются в разнообразии их использования. Конечно, реальная жизнь общества всегда содержит предостаточное количество конфликтов: так обстоит дело с их интегральной суммой. Однако в локальных границах может быть совсем по-другому, и обязательно где-нибудь в обществе в целом имеется бесконфликтная зона, пусть кратковременно существующая, но такая, в которой конфликты или не наблюдаются в настоящем и не ожидаются в будущем, или только дремлют и являются потенциально возможными.

В общественной жизни, где постоянно сталкиваются различные интересы, для многих субъектов конфликт служит единственным способом достижения цели и самоутверждения. Средствами массовой информации превозносится победа: над самим собой, над соперниками и конкурентами, над врагами, над обстоятельствами, над силами природы, наконец, над дикими животными на охоте, над хищной рыбой на рыбалке. Поощряются

победы в соревнованиях, конкурсах, чемпионатах, войнах, на олимпиадах, а когда не хватает побед безусловных, люди выдумывают условные победы, заменив жизнь игрой.

С появлением и развитием компьютерных технологий у человека появилась возможность бегства в реальность, альтернативную действительности, в мир иллюзий. Пользователи, увлеченные компьютерными играми, исчисляются миллионами. Среди них много тех, кто незаметно для самих себя тратят на такие игры бóльшую часть своего свободного времени. Нездоровая патологическая тяга к компьютерным играм психологически обусловлена игровым действом, оформленным особым образом. Например, так, что отсутствие телесности у виртуального образа дает возможность пользователю примерить на себе различные маски героических персонажей, живущих среди сверхъестественных существ на фоне экзотических ландшафтов. Компьютерные игры, имеющие наибольшую популярность у пользователей, всегда содержат конфликтную ситуацию противостояния, противоборствующую сторону, которую нужно одолеть любыми способами, часто ценой собственной виртуальной жизни. И это тем более возможно, поскольку виртуальная реальность предоставляет шансы умереть и не по-настоящему, и «не совсем»: смерть, а затем новое рождение можно переживать несчетное количество раз, пока такая игра окончательно не надоест. В компьютерной игре смерть обретает свой онтологический статус, перестает быть экзистенциальным основанием жизни человека, пределом, придающим очертания бытию, и становится всего лишь способом описания реальности.

В последнее десятилетие возникает целая субкультура любителей компьютерных ролевых игр, происходящих в on-line режиме. Всех «ролевиков» объединяет страсть к определенной эпохе, чаще всего вымышленной и уже детально описанной в произведениях жанра фэнтэзи. Действие игр всегда разворачивается в ситуации напряженного конфликта, когда «священный мир героя» подвергается нападениям со стороны обитателей неизведанного пространства, населенного «чужими существами». Для продвижения игры необходимо освоение и завоевание новых земель и объектов. С каждым переходом на новый игровой уровень про-

тивоборствующая сторона становится все более свирепой, а победа дается все труднее.

Распространяемый и компьютерными играми, и всеми средствами массовой информации дух победителя требует искать новых битв и добиваться новых побед. Там, где есть победитель, обязательно будет его жертва, побежденный. Вместе с тем, интенсификация контактов в общественной жизни неизбежно сталкивает различные интересы. Напряженные отношения складываются в ситуации ужесточения конкуренции между политическими системами за ресурсы и сферы влияния. Конфликт, иногда скрыто, а иногда совершенно открыто, наделяется свойствами явления, неустранимого не только из жизни общества, но и из индивидуальной человеческой судьбы. Такое видение конфликта хорошо соответствует мировосприятию и умонастроению, которые распространены среди населения ведущих стран мира, они же являются господствующими в среде влиятельных политических деятелей. Поэтому компромисс многие до сих пор считают паллиативом, временной мерой, позволяющей откладывать на другое время кардинальное решение важных политических вопросов. Заметим здесь весьма кстати, что и в настоящее время было бы поспешным объявление гегелевского диалектического наследия устаревшим и отжившим свой век методологическим хламом: вполне вероятна достоверность гипотетического суждения о будущем торжестве принципов именно гегелевского диалектического метода!

Между собой конфликты, а также конфликтные ситуации различаются и с точки зрения разных возможностей их познания, и с точки зрения тех особенностей, какие привносит изучение их типов в развитие современной методологии науки. Мы считаем, что вместе с конфликтом как объектом познания необходимо выделять конфликт как познавательное средство. Многое зависит от методологической установки, в рамках которой производится рассмотрение конфликта. Например, социальный конфликт, взятый в качестве объекта познания, изучается социологами, предстающими в роли наблюдателей и экспериментаторов. Первые ограничиваются наблюдением конфликтов и не вмешиваются в

их протекание. Тут следует еще различать внешнее, т.е. производимое с внешней стороны, и внутреннее (включенное) изучение-исследование, обусловливающие соответственные разновидности конфликтов. Вторые, т.е. социальные экспериментаторы, ведут себя активно и могут непосредственно или опосредованно оказывать запланированное влияние на развитие конфликта, превращаясь тем самым в его участников или субъектов.

Во многом новаторскими можно считать результаты исследований, посвященных психологии виртуального конфликта. Так, относительно новым является само понятие «виртуальный конфликт». Это понятие было введено Н. А. Носовым, основоположником так называемого полионтичного подхода, в настоящее время являющегося наиболее популярным методологическим приемом исследования виртуальной реальности, причем уже вполне оформившимся как в теоретическом, так и в прикладном отношениях [1, с. 2]. Данная проблематика находит свое отражение и в заслуживающих внимания исследованиях С. Х. Асадуллиной. В частности, в ее монографии «Психология виртуального конфликта» приведены некоторые теоретические и практические модели диагностики, а также способы разрешения виртуальных конфликтов на различных уровнях реальности [2].

Развивая идею полионтичности, множественности реальностей, Н.А. Носов назвал виртуальным конфликтом особый вид конфликтов, специфику которого составляет то, что его источник находится вне реальности протекания конфликта [3]. Соответственно, для своего разрешения такой конфликт требует обращения к реальности существования источника, который сначала нужно выявить и найти.

Если спектр решений находится исключительно в реальности протекания конфликта, то «чем больше усилий прикладывается для его разрешения, тем сильнее он становится» [1, с. 8]. В указанной монографии Н.А. Носов, сосредоточивая основное внимание на виртуальном конфликте в области медицины, замечает, что подобного рода конфликты повсеместно пронизывают общественную материю, их можно заметить в социальной, экономической, политической и духовной сферах жизни общества.

Например, показательным образцом является виртуальный конфликт в образовательной сфере. Систему образования нельзя назвать враждебной по отношению к школьникам. Но при всем благожелательном отношении к учащимся со стороны системы образования (в ней действуют утвержденные вышестоящими инстанциями нормативы и программы, на базе которых проводятся многочисленные школьные реформы), согласно Н. А. Носову, налицо определенный виртуальный конфликт. Яркими свидетельствами этого конфликта являются: неподъемный ранец школьника начальных и средних классов, реальное время, потраченное на выполнение домашних заданий в ущерб прогулкам детей на свежем воздухе.

Соглашаясь, в основном, с Н. А. Носовым в содержательном плане, тем не менее, мы расходимся с ним в плане словоупотребления. На наш взгляд, название «виртуальный конфликт» для данного типа конфликтов подобрано не совсем удачно. В концептуальном плане применительно к ситуациям и процессам, которые описывает Н. А. Носов, гораздо более логичным выглядит употребление понятия «расхождение», означающего несоответствие между проектом и его воплощением в жизнь. Если говорить о виртуальном конфликте, то его следует полагать как конфликт, протекающий в виртуальной реальности. Если следовать большинству авторов и под виртуальностью понимать реальность, создаваемую в сознании человека взаимодействием компьютера и этого человека как пользователя, то выделенный Н. А. Носовым конфликт там вовсе не присутствует. В онтологическом смысле, виртуальное, как мы полагаем, означает подмену одного типа бытия другим его типом. Указанный конфликт только лишь может стать виртуальным по причине своего происхождения, источника. Но практически здоровый человек, в принципе, вполне в состоянии отличать реальность, создаваемую при помощи компьютера, от той реальности, в которой конфликт возник и протекает.

Со своей стороны, рассмотрим такой конфликт, который служит средством познавательной деятельности. Само собой разумеется, что конфликт как средство может применяться не толь-

ко с целью познания: выше мы перечислили основные цели, с которыми производятся конфликты. Так, в качестве средства разрядки напряженности конфликты молчаливо используются в социально-политической практике и в быту и могут инициироваться провокацией, клеветой, наветом, доносом и т.п. Конфликт как средство познания может применяться для исследования самых разнотипных объектов. В конфликтной ситуации объект раскрывается по-новому, с неожиданной стороны и конституируется в новом типе своего бытия. С помощью конфликта могут изучаться, например, отдельные люди и социальные группы, входящие в конфликт, непосредственные его участники, или находящиеся вне конфликта, но являющиеся его потенциальными участниками, или те, кто располагаются в поле влияния процессов, происходящих в конфликте, но никогда в него не вступят по причинам, делающим их участие невозможным. Особо нужно выделить субъектов конфликта, которые пытаются им управлять за счет использования прямых и обратных связей, причем сами не обязательно являются его инициаторами и могут не вступать в него непосредственно. Правда, требуется учитывать возможное двустороннее управление, поскольку современный социальный конфликт предстает в виде субъект-субъектного отношения. В ходе конфликта, тем более для этого специально организованного, его субъекты могут узнавать и о самих себе много нового. Перечисленные здесь варианты конфликтов различаются неодинаковыми познавательными возможностями; во всяком случае, прямые участники конфликта раскрываются в нем наиболее ярко.

Конфликт в функции средства познавательной деятельности, на наш взгляд, представляет значительный методологический интерес. При этом, в отличие от социального конфликта – объекта познания, который вместе с методами его исследования давно изучается в конфликтологии, в этой последней социальный конфликт как средство познания общественных процессов не рассматривается и не используется. Между тем, если полагать, что в обществе в целом конфликты всегда были и в той или иной форме всегда будут, то проблемы предотвращения, предупреждения, нейтрализации конфликтов теряют статус главных и основных

проблем конфликтологии. Не менее важными и объективно значимыми должны полагаться проблемы функционального, направленного использования социальных конфликтов. Тогда содержание конфликтологии кардинально переосмысливается. На передний план выходит изучение целей и функций конфликтов. Конфликтология становится такой научной дисциплиной, в какой социальный конфликт преобразован в определенное единство объекта, требующего объективного подхода к его изучению, и средства, требующего субъективного подхода к его использованию, и где, в принципе, конфликт может изучаться посредством конфликта, который конструируется, создается как модель естественного, саморазвивающегося конфликта. Вне всякого сомнения, правовая и моральная стороны такого моделирования, при прочих приемлемых условиях, могут оказаться решающими для его использования или неиспользования.

Конфликтная, т.е. непримиримо противоречивая, ситуация свойственна и самой методологии науки, причем в разных видах. Один из этих видов существует как столкновение противоположных гипотез. В частности, возможно противоречие между предметом и методом научного исследования, выражающееся в их рассогласовании, что обусловливает появление у субъекта научно-исследовательской деятельности четко выраженной методологической позиции: предпочтение предмета методу или же, напротив, метода предмету, преобразующееся в убежденность в истинности своей гипотезы. В свою очередь, конфликт между людьми, причастными к научной деятельности, отзывается внутри содержания методологии противостоянием и конкуренцией, из чего произрастают некоторые варианты эволюционной эпистемологии. Иногда именно в концептуальной сфере и заключается ядро конфликта. Но подлинная суть его, пожалуй, запрятана в человеческих взаимоотношениях, которые в целом гораздо богаче менталитета их субъектов, откуда следует, что эта суть не однопланова, а многомерна и не умещается в границах одной лишь ментальности.

Таким образом, методологическая рефлексия над понятием конфликта позволяет выявить значительные потенциальные возможности конфликтологии как учения о социальном конфликте,

что дает основание ее представителям, т.е. конфликтологам, актуально расширить и углубить предмет своей науки. В качестве направления дальнейшего развития этой дисциплины мы предлагаем, в частности, интенсификацию исследований вопроса о функциональном использовании социального конфликта как средства и познания, и преобразования общественной жизни.

Список літератури: 1. Носов Н. А. Виртуальный конфликт: виртуальная социология медицины. – М. : Путь. – 2002. 140 с. 2. Асадуллина С. Х. Теория и практи ка разрешения виртуального конфликта: практико-ориентированная : монография. – СПб. : Нестор. – 2009. – 327 с.

АБАШНИК В. А., *доктор философии, заведующий кафедрой гуманитарных и фундаментальных юридических дисциплин*
Харьковский экономико-правовой университет

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА ГАНСА КЕЛЬЗЕНА

Справедливость (греч.: dikaiosýne или δικαιοσύνη, лат.: iustitia, англ. и франц.: justice, нем.: die Gerechtigkeit) была и остается одним из важнейших вопросов философии, права, экономики, религии, человеческих взаимоотношений вообще. Первые теоретические разработки проблемы справедливости восходят к IV–V вв. до н.э., в Западной Европе к – работам Платона и Аристотеля, а на Востоке – к рассуждениям Конфуция.

Ключевую роль вопрос справедливости играл и играет в рамках философии права, в особенности в контексте продолжающихся дискуссий о взаимоотношении между естественным правом и позитивным правом. Важный вклад в разрешение этой проблемы внесли работы известного австро-американского юриста и философа права Ганса Кельзена (1881–1973). В дальнейшем остановимся на этой *актуальной* проблематике [1; 2; 3]. При этом *целью* данной статьи будет уяснение позиции Ганса Кельзена по вопросу справедливости, а *основной задачей* – рассмотрение ключевых моментов его позиции на примерах некоторых работ этого авторитетного правоведа и философа права.

Наряду с тематикой теории права, конституционного права, международного права, важную роль в творчестве Ганса Кельзе-

© Абашник В. А. 2013